Вып. 166. М., 2007. С. 7–108.
Мезинцев Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М.: ИРИ РАН, 2008. 366 с.
Русско-калмыцкий календарь на 1912 год. Астрахань, 1912. 81 с.

Чуйкевич П. А. Подвиг казаков в Пруссии. Новочеркасск, 1902. 112 с.
Казачество великое, бесстрашное. СПб.: Славия, 2008. 660 с.
Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. 537 с.

УДК 323.313

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КАЛМЫЦКОЙ ЗНАТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. Н. Команджаев, Н. П. Мацакова

В ходе проведения экономических, социальных и политических преобразований в стране немаловажное значение имеет анализ прошлого, в особенности изучение исторического опыта реформирования. Во второй половине XIX в. началом важных изменений в экономической и социально-политической жизни России стала отмена крепостного права в 1861 г., которая повлекла за собой ряд других реформ, в том числе ликвидацию зависимых отношений в национальных районах.

В калмыцком обществе в рассматриваемый период существовали отношения, характеризовавшиеся зависимым положением калмыков-простолудинов от нойонов и зайсангов и называвшиеся «обязательными». Процесс разработки закона об отмене этих отношений занял довольно длительное время (более тридцати лет). За этот период было создано пять различных по составу комиссий, разработано несколько проектов, проведен ряд дополнительных подготовительных мероприятий на местах. Реформа 1892 г. стала очередным шагом российского правительства в распространении основ реформы 1861 г. на национальные районы империи и стала ярким проявлением его унифицирующего курса и политики по отношению к национальным элитам в данный период.

Административно-политический курс правительства в Калмыкии в целом соответствовал национальной политике государства и был тесно связан, прежде всего, с вопросом изменения правительственной политики по отношению к калмыцкой знати. Так, лояльность последней и сотрудничество с ней обусловили в период вхождения

калмыков в состав Российского государства первоначальное невмешательство центральной власти в существовавшие в калмыцком обществе социальные отношения.

Однако затем в поисках оптимального режима отношений с местной знатью правительство стало балансировать между двумя противоположными политическими векторами. С одной стороны, оно усиливало традиционные механизмы легитимизации и придавало калмыцкой элите дополнительную устойчивость в отношениях с подвластным населением. Характерными актами в данном случае являются манифест от 16 ноября 1737 г. и указы от 12 мая 1744 г. и 27 июня 1785 г. [ПСЗ РИ I. Т. X, № 7438; Т. XII. № 8941; Т. X. № 3517]. С другой стороны, русское правительство встало на путь постепенного ограничения прав калмыцкой знати и постепенного подчинения калмыков русской администрации. Проведенные в первой половине XIX в. преобразования (упразднение Зарго и Ламайского духовного правления, расширение полномочий главного попечителя, замена единоличного управления улусом в лице нойона или правителя коллегиальным органом) еще раз свидетельствовали об ограничении автономных начал в управлении калмыками и постепенном подчинении их правительственной администрации. Очевидны были также попытки ограничить власть и влияние двух ведущих социальных групп калмыцкого общества: владельчества и духовенства [Бурчинова 1973: 65–66].

Данная политика осуществлялась в рамках правительственного курса на административную интеграцию национальных окраин в состав империи, который с 1863 г.

стал всеобщим и форсированным. Одна из причин принятия этого курса, по мнению Б. Н. Миронова, заключалась «в необходимости <...> унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности» [Миронов 1999: 37, 41].

Положения 1834 и 1847 гг. примечательны тем, что они затронули многие стороны внутренней жизни калмыцкого общества [ПСЗ-И. Т. X. Отд. 2. Т. IX. № 7560-а; ПСЗ-И. Т. XXII. Отд. 1. № 21144]. Так, был изменен принцип наследования улусов и аймаков: Положение 1834 г. узаконило принцип майората (порядок наследования старшим сыном без дробления). К тому же после принятия Положений 1834 и 1847 гг. калмыцкую знать ввели в единую социальную структуру, определили ее место в зависимости от положения и должности по Табелю о рангах 1722 г. Тем самым население Калмыкии было четко разграничено не только по занимаемой должности, но и по социальной структуре. В итоге на протяжении второй половины XIX в. стало непрерывно расти количество безаймачных зайсангов. По переписи 1868 г., числилось 835 аймачных зайсангов вместе с членами семейств, а безаймачных зайсангов насчитывалось 2 609 чел. [Костенков 1869: 156].

Далее был точно и ясно определен круг повинностей в пользу владельцев, определены размер албана, права и обязанности нойонов и зайсангов по управлению улусами и аймаками. Определенные льготы устанавливались в случае изъявления ими желания перейти в православие и к оседлому образу жизни [ПСЗ РИ II. Т. XXII. Отд. 1. № 21144].

Во второй половине XIX в. отражение правительственного отношения к калмыцкой знати можно увидеть в проектах комиссий и главных попечителей, занимавшихся подготовкой проектов ликвидации владельческой зависимости калмыков-простолюдинов и реорганизации системы управления.

Особенно следует отметить труды К. И. Костенкова, руководителя Кумо-

Манычской экспедиции 1860–1861 гг., главного попечителя калмыцкого народа, принявшего активное участие в этой работе. Он в ходе подготовки проектов заинтересовался прошлым калмыцкого народа и составил подробный исторический очерк. К. И. Костенков подробно охарактеризовал сословное деление калмыцкого общества, показал взаимоотношения людей «черной» и «белой» кости, права и привилегии калмыцких привилегированных сословий, истоки происхождения которых, как он установил, уходят в древнюю историю монголов. Нойоны, по его мнению, первоначально были предводителями или правителями калмыков-простолюдинов, а зайсанги были ошибочно отнесены к привилегированному сословию. Главный попечитель признал фактическое существование крепостного права в Калмыкии, происхождение которого объяснил как «незаконно» насажденное русским правительством явление [Костенков 1870: 42–48].

Как отметила Л. С. Бурчинова, замечания К. И. Костенкова о правовом статусе калмыцких привилегированных сословий учитывались в работе последовавших затем министерских комиссий при подготовке проектов об освобождении калмыков-простолюдинов от владельческой зависимости [Бурчинова 1988: 120]. Очевидно, это связано с тем, что он в общем отразил правительственный взгляд на суть социальных отношений в калмыцком обществе. Признание крепостнического характера этих «обязательных отношений» приводило к мысли о необходимости их ликвидации по примеру отмены крепостного права в 1861 г.

Практически во всех проектах реформы, кроме Комиссии 1861 г., содержится единое мнение о сущности владельческих прав нойонов и зайсангов: они, не касаясь земельных отношений, ограничивались только правами на денежный сбор с подвластных калмыков. Таким образом, отношения, установившиеся между нойонами и другими владельцами, с одной стороны, и калмыками-простолюдинами, с другой стороны, были признаны правительством взаимно-обязательными, т. е. нойоны и владельцы имели права и обязанности по управлению калмыками-простолюдинами, а последние обязаны были платить албан. Очевидно, использование дефиниции «обязательные отношения» применительно к калмыкам объясняется тем, что правительство видело

некоторое отличие этих отношений от крепостных и соответственно считало необходимым подчеркнуть эту особенность общественного устройства калмыцкого народа.

Практически все участники подготовки реформы признали, что поскольку владельческие права нойонов и зайсангов носили характер имущественных прав и были признаны законом, они не могли быть отменены без соответствующей компенсации. При этом духовенство, в услужении у которого находилось фактически значительное количество калмыков, не признавалось владельческим сословием [Леджинова 2006].

При составлении и рассмотрении проектов ликвидации обязательных отношений в калмыцком обществе большое внимание было уделено вопросам определения размеров этой компенсации и источника, из которого следовало ее произвести. Из двух обсуждаемых способов — капитализация действительных доходов и выплата суммы албана за 5 лет — в закон был включен последний. Все министерские комиссии и Департаменты Госсовета пришли к заключению, что вознаграждение необходимо осуществить из общественного калмыцкого капитала, который был предназначен для устройства быта калмыков.

Что касается недоимок по сбору албана, то при принятии закона было решено, что сумма выплат компенсирует недополученный сбор [Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4 Оп. 2. Д. 309. Л. 41 об., 42].

Активно обсуждался вопрос о будущем правовом положении бывших владельцев: останется ли оно в привилегированном статусе или подлежит уравниванию в правах и обязанностях с простолюдинами. Комиссия 1870–1872 гг. во главе с князем Д. А. Оболенским считала несправедливым освобождать нойонов, зайсангов и духовенство от платежа налога. Такое же мнение было высказано на заседании соединенных Департаментов 23 ноября 1891 г., поэтому было решено обложить все калмыцкое население без исключения 6-рублевым сбором в доход казны, что впоследствии вызвало недовольство знати и духовенства [ПСЗ РИ III. Т. XII. № 8429].

Кроме этого, например, Н. О. Осиповым, который также в свое время занимал пост главного попечителя калмыцкого народа, предлагалось ограничить социальную активность привилегированных сословий.

Он считал, что нойонов, зайсангов и духовенство надо устранить от участия в общественных делах. Таким образом, отмена обязательных отношений была продолжением курса правительства на ограничение прав и привилегий калмыцких феодалов.

Начиная с комиссии Д. А. Оболенского, обсуждалось предложение выдать мелким владельцам и зайсангам, признанным особенно нуждающимися, небольшие пособия. Как нам представляется, этот факт является свидетельством процессов, происходивших в среде мелких калмыцких феодалов на протяжении XIX в., факт разорения большинства которых не укрылся от «правительственного взора». Главные попечители К. И. Костенков и Н. О. Осипов отмечали, что многие безземельные зайсанги и зайсанги, владевшие небольшим количеством семей, сами занимались работами по найму и находились почти в одинаковых условиях с простолюдинами [Костенков 1869: 157; НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 115. Л. 78].

Таким образом, можно сделать заключение, что практически во всех законопроектах нашло отражение стремление правительства ввести Калмыкию в общеимперскую систему управления, усилить чиновничий аппарат и способствовать переходу калмыков к оседлой жизни.

Закон об отмене обязательных отношений в калмыцком обществе был принят 16 марта 1892 г. Его главное содержание составляли три основных положения: отмена владельческих прав калмыцких феодалов и освобождение калмыков-простолюдинов (за вознаграждение); частичная реорганизация управления калмыцким народом (функции попечителей были расширены в результате передачи им обязанностей нойонов) и судопроизводства; налогообложение всего калмыцкого населения в пользу государства [ПСЗ РИ III. Т. XII. № 8429].

Правительственная политика в отношении калмыцкой знати во второй половине XIX в. была направлена на дальнейшее ограничение прав и привилегий калмыцкой знати, что проявилось в реформе 1892 г. Отменой обязательных отношений обуславливались дальнейшие изменения в жизни калмыцкого населения, что также было связано с общероссийскими преобразованиями 60-70-х гг. XIX в. По мнению Л. С. Бурчиновой, задачей всех комиссий, занимавшихся разработкой проектов отме-

ны обязательных отношений у калмыков, было найти практически приемлемый путь и способ распространения на Калмыцкую степь буржуазных реформ. Весь смысл намечавшихся перемен должен был означать реорганизацию всех сторон жизни ее населения с учетом общегосударственных преобразований и местных особенностей [Бурчинова 1988: 121].

Источники

- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).*
- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).*
- Полное собрание законов Российской империи. 1-ое собрание. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.*
- Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.*
- Полное собрание законов Российской империи. 3-е собрание. 1 марта 1881 — 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1885.*

Литература

- Бурчинова Л. С.* Из истории управления калмыцким народом (XIX век) // Труды молодых ученых Калмыкии / КНИИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. 3. С. 59–67.
- Бурчинова Л. С.* К историографическому изучению истории подготовки и проведения буржуазных реформ в Калмыкии // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии / КНИИИФЭ. Элиста, 1988. С. 112–122.
- Костенков К. И.* Результаты переписи калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года // Труды Астраханской губернии статистического комитета. Астрахань, 1869. Вып. 1. С. 148–163.
- Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Леджсинова Н. П.* Подготовка реформы 1892 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. Вып. 1. С. 55–69.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 568 с.

УДК 316.443

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЛМЫКОВ В XIX ВЕКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. П. Мацакова

Определение характера общественно-го строя калмыцкого общества является необходимым элементом в изучении истории Калмыкии. В той или иной мере эта проблема рассматривалась многими авторами, прежде всего, в связи с проблемой феодализма в кочевом обществе. На наш взгляд, для решения этого вопроса необходимо рассмотреть все многообразие мнений и взглядов, существующих на данный момент в литературе.

В историческом калмыковедении можно найти различные точки зрения по поводу определения характера общественного строя калмыков накануне реформы 1892 г. Исследователи XIX в. (Н. А. Нефедьев [1834], Ф. А. Бюлер [1846], П. И. Небольсин [1852], К. И. Костенков [1870], И. А. Житецкий [1892] и Я. П. Дуброва и др.) считали калмыцкое общество патриархально-родовым. Например, Я. П. Дуброва утверждал, что калмыки «до сих пор не пережили родового быта», а «привилегированное калмыцкое сословие с правами господ над рабами есть продукт искусственного создания» рус-

ского правительства, рассчитывавшего тем самым подчинить калмыцкий народ своей власти [Дуброва 1998: 158].

И. А. Житецкий охарактеризовал взаимоотношения нойонов с подвластными калмыками как «патриархально-рабовладельческие с правом власти высшего сословия не только над имуществом, но и над жизнью простонародья» [Житецкий 1892: 92]. Однако использование дефиниции «рабовладельческие отношения» в этом случае, по мнению А. Н. Команджаева, объясняется стремлением автора более рельефно показать своеобразие и особенности общественных отношений у калмыков [Команджаев 1988: 108].

Первым из советских историков, который считал, что характер отношений между классами у калмыков носил феодальный характер, был Г. З. Минкин, подходивший к данной проблеме с марксистских позиций. Он отрицал господство патриархально-родовых отношений в калмыцком обществе, так как это ставило под вопрос «наличие